

Один умный человек сказал, что смерть начинается уже с рождения. Когда я услышал эти слова, то перестал к чему-либо стремиться. Но потом забыл об этом. К счастью, я довольно много чего забываю.

Ноябрь — мой любимый месяц. Я люблю, когда наконец-то становится холодно, когда влажный туман ложится на улицы, а деревья обнажают свои черные ветви и сучья, стоя на обочине дороги, как скелеты птиц. Я не знаю, почему сравниваю их со скелетами птиц, ведь птицы стоят на двух ногах, если только речь не идет об аисте. Этим сравнением по большей части я имею в виду ощущение мрачной брэнности, но в то же время приятной прохлады и покоя. Ученые, эзотерики или люди, у которых есть что сказать по этому поводу, пожалуй, станут утверждать, что причина моей любви к поздней осени — мое рождение в ноябре. Но есть во мне что-то и от мартовского кота. Мои любимые цветы — васильки, а любимые деревья — березы. В этом я уже разобрался.

А еще я люблю автомобили. Определиться более конкретно, какие именно, затруднительно, потому что мне нравятся очень многие машины. Я — настоящий автолюбитель. Но установить сейчас, каких именно автомобилей я любитель, не представляется возможным. Мои предпочтения постоянно меняются, и они всегда зависят от обстоятельств. Я даже не хочу ездить на любимом мною автомобиле. Для меня достаточный повод для радости — просто видеть его или даже только думать о нем. Правда, я не уверен, всегда ли так же радуюсь, когда думаю о васильках, ведь на самом деле я радуюсь вообще всему, а цветок уже заведомо не может раздражать меня. Я нахожу замечательным все, что создает природа, и каждый день я счастлив оттого, что живу и имею возможность смотреть на все это. Особенно мне нравятся чайки. Паря

на ветру, они умеют быть жутко элегантными. Я с удовольствием люблюсь на них, когда лежу на берегу Балтийского моря. К сожалению, из-за своей худобы я быстро замерзаю, лежать становится холодно, и приходится вставать. Поэтому никогда не могу вдоволь насладиться этим зрелищем.

И все же у меня есть любимый автомобиль, Tatra 603. Будучи школьником, почти каждое утро я видел, на этих авто руководство ГДР проезжало по Грайфсвальдер-штрассе на работу. В это время нельзя было перейти на противоположную сторону, потому что, пока следовал эскорт, полиция полностью блокировала улицу, и это затягивалось минут на пятнадцать или даже дольше. А если в Берлин с визитом прибывала государственная делегация, то я с большим удовольствием шел на Шёнхаузер-аллее, чтобы постоять там в качестве заграждения. Во-первых, в это время шли занятия в школе, а во-вторых, можно было смотреть на эти восхитительные автомобили в непосредственной близости от них. К сожалению, они всегда так быстро проезжали мимо меня! На самом деле я почти ничего не успевал разглядеть как следует. Чтобы уловить эти короткие мгновения, нам приходилось несоизмеримо долго ожидать. Организаторы мероприятия заботились о том, чтобы во время проезда делегации среди стоящей публики не было пустых мест. Уже за час до этого нас расставляли на нужные позиции. В большинстве случаев главы государств сидели в открытой «Чайке». Мне кажется, это название звучит очень женственно. Если погода была плохая, я видел лишь машущую руку в окне автомобиля. Но машины были действительно классные. В то время я не мог даже мечтать о том, чтобы однажды посидеть в таком большом автомобиле. Это все еще были времена ГДР.

Получается так, что в этом повествовании я постоянно сам себе противоречу. Причина этого — мой мозг. В него постоянно приходят новые воспоминания и сразу же куда-то откладываются. И когда я ищу какое-либо воспоминание, то не всегда нахожу, потому что на его месте уже оказывается другое. Я сталкиваюсь с чем-то совсем иным, смешанным с чувствами из другого времени и с совершенно другими событиями. Я не в состоянии очистить от этого свой мозг — ведь я не могу войти в него и навести порядок. Иногда там даже что-то гниет, а после выходит наружу.

А может быть, я лежу в коме и воссоздаю все свои впечатления, словно сон наяву. Следовательно, то же самое происходит и с теми

воспоминаниями, которые я сейчас здесь записываю. А может быть, даже с тем фактом, что я вообще сейчас что-то записываю. Доказать себе, что это действительно мои впечатления, я не в состоянии: ведь каждый, кто мог бы это подтвердить, возможно, тоже существует лишь в моем воображении. Но если я действительно существую в реальности, то слишком многое из того, что я вижу, я видеть не хотел бы. Совсем. Возможно, поэтому я уже очень давно строю свой собственный мир.

К примеру, как-то раз, когда мы играли с группой в Нью-Йорке, я воспользовался свободным временем и ранним утром отправился прогуляться по Центральному парку. Я нашел прекрасную дорогу, которая вела вокруг идиллического озера. Я неторопливо шел по ней, при этом все встречающиеся на моем пути бегуны что-то выкрикивали. Оборачиваясь, я радостно приветствовал их. Я был в восторге от доброжелательности американцев. Это продолжалось до тех пор, пока охранник парка не остановил меня. Он объяснил, что я иду против движения, создавая препятствие бегущим. Именно это, как оказалось, и кричали мне бегуны.

То же самое и со временем. Один знакомый рассказал мне, что когда-то он (или его отец, точно не помню) работал во Франции на ферме. Каждое утро хозяин, просыпаясь первым, заводил большие настенные часы. Из-за несовершенной механики эти часы шли не очень долго и каждую ночь останавливались. Поэтому утром, когда хозяин вставал, он всегда ставил часы на шесть. Ему было безразлично, сколько времени показывали часы у других людей. Таким образом, на ферме устанавливалось свое собственное время, но это не вызывало никаких сложностей у работников. Когда подавали обед, все приходило вовремя.

Сейчас я не представляю себе, как это могло быть. Вероятно, у них не было радио, потому что радио всегда начинает трансляции утром. А может быть, у них не было электричества. Но тогда надо учитывать, что часы были изобретены еще в доисторические времена, ведь солнце тогда уже светило. Без солнца не было бы никаких солнечных часов. У древних римлян уже были часы? Скорее, у молодых римлян. Им определенно нужно было знать, сколько времени, чтобы не опаздывать на свидания. Раньше старики всегда умирали одинаково. У них были плохие зубы, и они не могли больше нормально жевать. И тогда уже портился желудок и все остальное. Или они умирали от рака.

Скорее всего, эта болезнь была всегда, хотя еще не было ни асбеста, ни атомных электростанций. По-видимому, рак еще древнее, чем все часы.

Иногда я думаю, что какая-нибудь история произошла со мной совсем недавно, а потом выясняется, что ей уже тридцать лет. А иногда у меня такое чувство, что времени вообще не существует. Или не существует прошлого. Потому что все, что осталось позади, уже завершено. Тогда не имеет значения, когда что произошло, потому что время уже никогда не вернется. И то, что я переживал в свое время, другие люди испытывают теперь совершенно иначе.

И это значит, что существует много различных вариантов прошлого, а не только одно мое.

Кроме того, мне трудно придерживаться какого-либо мнения. Вещи, которые я отвергаю, вполне можно счесть очень даже хорошими. В качестве примеров могу привести Америку, баранину или оперный театр. Оперетту, по-моему, я еще не слышал. Поэтому не знаю, может ли она мне понравиться. Соответственно я не знаю, что нужно думать о ней. Поэтому мне сложно что-то писать о себе, ведь сегодня я пишу, а завтра у меня может быть совершенно другое мнение, не такое, как сегодня, и придется начинать все сначала. Чтобы этого избежать, мне пришлось бы немедленно черкать все, что приходит на ум. Тогда через несколько секунд все узнали бы об этой новости. Но в таком случае я немедленно должен был бы начать все снова, если со мной или вокруг произошло бы что-то новое. Только я все равно уже пропустил, например, то, что со мной происходило, когда я был маленьким, ведь тогда не существовало никаких компьютеров.

В любом случае биография может заинтересовать лишь немногих людей, потому что в ней можно прочитать только то, что стало с тем, кто записывал свою жизнь. Мне это интересно. Только сами по себе биографии — не мое. Есть ощущение, что в них всегда происходит одно и то же. Откуда-то появляются родители, знакомятся, и тогда получают дети. Затем эти дети растут и обнаруживают интерес к музыке, живописи или театральному искусству и даже не подозревают о том, что впоследствии станут знаменитыми. И в какой-то момент они действительно становятся знаменитыми, ведь в противном случае им незачем писать биографию. Еще в биографии могут быть перенесенные удары судьбы или другие проблемы, например желание поделиться опытом, если у вашей собаки рак, или еще что-то в этом роде. Правда,

тогда это будет скорее книга о том, как обращаться с собаками, большими раком, а не биография.

Чтобы получилась биография человека, связанного с искусством, достаточно взять бланк, на котором будет написано, что он был очень трудолюбив, упорно работал и никогда не переставал верить в мечту. Затем останется только вписать в заданные места свое имя и некоторые даты.

Абсолютно то же самое верно для хеви-метал-групп. Я прочитал вслух из Metal Hammer¹ пару статей о своих коллегах и просто поменял названия групп — никто ничего не заметил. Это означает, что и в студии хеви-метал-группы делают одно и то же.

Что они должны делать, помимо записи своих песен: пить пиво, играть в бильярд, а затем признавать, что их песни действительно хороши, потому что группа захотела снова вернуться к корням, и тогда их песни возникают как бы сами по себе. И этот диск, без сомнений, станет лучше, чем все альбомы, которые уже были записаны. Именно это я и сам рассказывал каждому интервьюеру.

Я предрасположен к ипохондрии и поэтому день за днем иду к смерти. Говорят, что у Цезаря был слуга, который стоял позади него и всегда шептал ему на ухо: *Memento moriendum esse* («Помни о том, что ты смертен»). А мне нужен тот, кто скажет: «Помни, что ты живешь и у тебя нет повода для беспокойства». К сожалению, этот страх начался у меня еще в детстве. С раннего возраста я почти перестал получать удовольствие от жизни, потому что постоянно имел дело с самим собой. Во время каждой поездки на электричке я ждал, что мне станет плохо и у меня начнется рвота, однако это случилось лишь однажды, да и то не в поезде, а в машине. На этой машине я ехал из Бельцига² с «Праздника крепости», на котором съел гигантский кусок наполовину сырого кабана. Тогда для того, чтобы мне стало плохо, необязательно даже было ехать в автомобиле. Мало того: это произошло в чужом автомобиле, что делало эту историю еще более неловкой.

В ту пору я, как бы на всякий случай, испытывал страх по любому поводу. Страх перед общественным транспортом, автомобилями, за-

¹ Ежемесячный музыкальный журнал, основной тематикой которого является музыка в стиле хеви-метал. Журнал впервые появился в Германии в 1984 году, выходит также в Великобритании и Испании. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

² Город в Германии, в земле Бранденбург, известный своей средневековой крепостью Айзенхардт.

крытыми помещениями, темнотой, болезнью, сильным шумом, большим количеством людей и так далее. Позже добавился страх перелетов: когда я оказывался в самолете, страх высоты объединялся с клаустрофобией. Страх смерти тоже присутствовал. Во время моего первого рейса в Париж с задней дверью было что-то не так, поэтому самолет должен был лететь очень низко, чтобы не терять кислород и не снижать давление. Приятель, сидевший передо мной, повернулся ко мне и произнес: «Конец». После того как все действия экипажа оказались бесполезными, нам пришлось сделать промежуточную посадку и перебраться на другой самолет. Тогда моя вера в безопасность полетов была окончательно подорвана.

Во время моего следующего полета сразу после взлета раздался хлопок, и на пассажиров полилась едкая жидкость. Попутчик, сидевший сзади, пояснил, что это гидравлическая жидкость.

Так как он выглядел достаточно серьезно, я решил, что у него есть обоснованное представление о происходящем, и с ужасом думал, что мы падаем. Позже выяснилось, что владелец закуской из Венгрии хотел провезти контрабандой из Египта пряный соус. Он взял несколько контейнеров в ручную кладь и разложил в багажные отделения у нас над головами. Из-за повышения давления при взлете контейнеры с соусом лопнули.

После этого случая я долго не мог успокоиться. Я уже не хотел отправляться в отпуск, если при этом было необходимо лететь. Если даже я оставался невредим и с пользой для здоровья проводил время, то все равно весь отпуск я думал о неизбежном обратном полете. Позже, когда уже играл с группой, я вообще хотел отказаться от концертов за рубежом, только чтобы не летать. Но именно по этой причине я бы скоро вылетел из группы.

Однажды, когда мы возвращались из Мексики, в полете снова раздался сильный грохот. Вокруг нас стало очень светло, и я подумал: что-то взорвалось и горят двигатели. Из-за страха я не уловил, что это свет прожекторов самолета отражается от облаков. На мониторах в салоне было видно, что мы стабильно быстро снижаемся. Затем мониторы вообще погасли. Я подумал, что теперь действительно умру. Ведь, в конце концов, мы снова и снова слышим в новостях о том, что самолеты разбиваются, и в этих катастрофах всегда погибают реальные люди. Я решил, что теперь я один из них. Я понял, что значит лично беспокоиться о состоянии самолета. Я почувствовал огромное давление на

грудь. Наш гитарист, чье место было перед нами, повернулся и махнул нам на прощание. Я схватил вокалиста, сидевшего рядом со мной, за руку и сказал: «Я не хочу умирать». Он, все еще довольный тем, что только что написал забавный текст, ничего мне не ответил. Между нашими руками был только мой холодный пот. Вопреки страху мне стало неловко, что я так вспотел. Тогда на ум мне пришли короткие два слова: «Ну да». Все же в итоге мы не разбились. Когда все закончилось, нам сказали, что в самолет ударила молния, компьютеры вышли из строя, поэтому пилоту пришлось управлять самолетом вручную, что, как ни странно, в наше время еще возможно. Это был огромный самолет, и он подвергался сильным нагрузкам, наверное, следовало сделать что-то другое, а не сообщать пассажирам о всяких там «ручных управлениях».

Стюардессы сидели, пристегнувшись, на откидных сиденьях и молчали. Компьютеры снова заработали только через полчаса, и все это время нас трясло между грозowymi облаками.

После этих происшествий я был крайне обеспокоен. Я раздобыл у друга своего брата кусочек обшивки сбитого самолета, потому что статистически практически невозможно, чтобы какая-то часть самолета падала дважды. С этой частичкой я чувствовал себя немного безопаснее. Я возил ее с собой в багаже и всегда думал о том, сколько путаницы она может наделать, если когда-нибудь я все-таки разобьюсь. В этом случае после катастрофы специалистам предстоит трудоемкая кропотливая работа: снова собрать все детали, чтобы выяснить причину падения. Когда моя маленькая частичка самолета будет признана посторонней, безусловно, это жутко всех удивит.

Недостатком этого предмета в ручной клади было то, что на контроле безопасности мне приходилось постоянно рассказывать историю о том, как ко мне попала эта частичка самолета и почему я везу ее с собой. После долгих разбирательств мы достигали приблизительного взаимопонимания, и в виде исключения мне разрешали взять этот кусочек обшивки с собой. Это выглядело несколько подозрительно, но, по крайней мере, она не могла потеряться в ручном багаже. Помимо этого, своими острыми краями она рвала мои вещи. Потом я стал заворачивать ее в запасные трусы. Однажды с тяжелым сердцем я решил оставить ее дома. В качестве замены у меня была масса других маленьких талисманов и амулетов. Карманы моих брюк были вытянуты и пришли в негодность, потому что я просто не осмеливался вытащить

оттуда талисманы. Я думал, что боги обидятся на меня, если я буду пренебрегать этими волшебными предметами.

Раньше, чтобы легче переносить полеты, я пил много алкоголя. Но даже когда был сильно пьян, я просто не мог уснуть и еле сдерживал страх. Я был настоящим наказанием для своих попутчиков.

Потом я раздобыл капли «Валиум». После них в самолете я превращался в овощ и пускал слюни из приоткрытого рта. Когда мы приземлялись в месте назначения, я с трудом мог выйти на дрожащих ногах, но все еще испытывал страх. Весь день я постоянно повсюду спал, а на концерте был вялым и немощным.

Я купил все книги, в которых говорилось о боязни летать. Но они не помогли мне, разве что теперь я точно знал, как следует безопасно летать, а еще что крыло не отломится, хоть и может сильно качаться вверх и вниз.

В конце концов мне порекомендовали гипнотизера. Он установил, что страха именно перед полетами у меня нет, а есть просто страх, который становится очевидным только во время полета. Я должен был бороться с причиной своей бесконечной тревоги. Поэтому сначала мы пытались выяснить, когда и где возникло основание для моего страха. Он загипнотизировал меня, я погрузился в свою жизнь и оказался в моменте своего рождения.

Тогда в качестве отправной точки он положил на пол подушку. За каждый опыт, имеющий решающее значение в моей жизни, он клал еще одну подушку. Хотя я был загипнотизирован, я все еще мог ходить и двигался туда-сюда между подушками. Я должен был остановиться, если почувствую что-то неприятное. Так как я остановился между первыми двумя подушками, мы пришли к выводу, что, вероятно, ребенком я запутался в одеяле или не смог дотянуться до дверной ручки, когда очень хотел выйти из комнаты. Видимо, тогда и возник страх, потому что младенец еще не понимает, почему некоторые вещи могут быть так неприятны или просто невозможны. На следующей встрече он привел меня, взрослого человека, к малышу, каким я когда-то был, для того, чтобы я сам себя успокоил. На третьем сеансе я размышлял над выбором ландшафта и искал варианты выхода из здания старой фабрики, которую сам придумал. Это было похоже на компьютерную игру, только без компьютера и стрельбы.

Это воздействие совсем не помешало мне. Ведь мне пришлось летать и дальше. Тогда у нас был гастрольный тур по Австралии. Самолет

был заполнен группами, и все вместе в этой огромной штуке мы летали от концерта к концерту, потому что в Австралии города расположены довольно далеко друг от друга. Совсем не без оснований музыканты считаются неблагонадежными. Нас привезли в аэропорт часа за три до вылета, поэтому к моменту посадки мы все были уже безнадежно пьяны — ведь надо же было чем-то занять время до взлета. В салоне мы расселись кто где захотел. Когда самолет взлетел, все вскочили и пытались остаться стоять, но не смогли удержаться на ногах. Свалившись, мы громко захохотали и заскользили по проходу.

Все, кроме меня, расценивали полет как что-то вроде поездки в метро, некоторые даже разрисовывали стены фломастером. У кого-то весь полет на коленях сидела женщина, и они безудержно целовались. На мониторах демонстрировали видеозаписи групп, которые летели с нами. Те музыканты, чьи ролики еще не показывали, рычали и пытались попасть в экран банкой из-под пива. Когда же дело доходило до их видео, они шипели, пытаясь таким образом призвать остальных к тишине, чтобы все смогли вслушаться в музыку. Конечно же, это не приносило результата.

Иногда самолет довольно экстремально трясло, потому что нам приходилось уклоняться от облаков дыма лесных пожаров или потому что портилась погода. Тогда все орали, громко смеялись и шутили. Казалось, никто не испытывал ни малейшего беспокойства. Тут мой страх ушел прочь, потому что все получали от полета такое удовольствие, что он просто не мог быть опасен. Клаудия Шиффер однажды сказала, что самолет — это единственное место, где она может по-настоящему расслабиться. Сначала я рассуждал, что если полет ее расслабляет, то у нее, наверное, скверная жизнь, но потом попытался прочувствовать, как смотрит на это сама Клаудия Шиффер. Постепенно все мое напряжение прошло, но я все еще стоял на очень тонком льду.

Впрочем, сейчас я повзрослел. А в детстве меня пугало все. Я совершенно ясно понимал это, когда оставался один, и тогда с удовольствием стал читать книги. Мой отец был против: он утверждал, что так я испорчу себе глаза. Но я не верил. Позже, повзрослев и набравшись опыта, я узнал, что чтение в сумерках — это не так уж плохо, так как оно тренирует мышцы глаз. В любом случае я всю жизнь вынужден носить очки. Мой отец тоже. Вероятно, я унаследовал это от него, и отец хотел таким образом лишь подвигнуть меня к чтению. Я совершенно

не помню, когда начал плохо видеть. В школе я не мог разобрать, что написано на доске или что показывает на стене проектор. Но мне казалось, что это из-за ослепительно-яркого солнца. С проектором у нашей учительницы были проблемы — постоянно не хватало нужных штитов. Постепенно я садился все ближе и ближе, пока не оказался прямо перед учительским столом. Только благодаря этому мои оценки стали лучше.

Если я не наклонялся низко к книге, то не мог различить буквы. А когда на улице у меня не получалось прочитать вывеску, то я подходил ближе и ближе, пока не вставал прямо напротив нее.

Потом пришел школьный врач и осмотрел нас. Когда он попросил прочитать буквы на доске, я ничего не смог разглядеть. На тот момент у меня было уже более трех диоптрий — какое восхитительное слово! Меня обязали носить очки, и они сильно действовали мне на нервы, потому что линзы были вставлены в уродливую оправу. Должен сказать, что другие предложенные мне очки были еще уродливее, они были такими ужасными, что сложно себе представить. Думаю, что дизайнерам очков тогда было совсем не важно, как чувствовали себя дети и подростки. Я смотрел в зеркало и знал, что плохо выгляжу. Я был несчастен, потому что очки неприятно давили на меня — как если бы я смотрел из окна и постоянно видел оконную раму, только это был край очков. Однако, когда я случайно поднял глаза, то был поражен. Оказывается, верхние ветки деревьев полностью покрыты маленькими листьями.

Это было в апреле — я знаю это из документа социального страхования SV-Buch, это что-то вроде медицинской карты. Там записаны все болезни, которые у меня были, они обозначались кодами. Чаще всего у меня встречался код 465, то есть заболевания верхних дыхательных путей. Мой учитель называл 465 болезнью лентяев, потому что мои одноклассники частенько обманом получали больничные листки с таким диагнозом. Но я так никогда не делал, я действительно болел. Некоторые имели в медкарте запись hwG — так обозначали непостоянные половые связи. Это было предметом зависти, особенно для тех, у кого никогда в жизни еще не было полового акта. В SV-Buch вписывались и все места работы, так что можно назвать их биографиями граждан Восточной Германии. В том замечательном апреле, во всяком случае, я впервые рассмотрел захватывающую игру веток и листьев. До этого я воспринимал их как зеленые пятна и не мог понять, откуда взялись

эти тонкие веточки. Мир стал выглядеть совершенно иначе, он стал выразительным. Я смог наконец-то рассмотреть его глубину.

Как-то раз меня схватили за плечо и дернули назад, потому что, увлеченно разглядывая кроны деревьев, я становился крайне рассеянным. При этом я не обращал внимания, что все это время продолжал идти дальше. А на Грайфсвальдер-штрассе есть такое опасное место, с которого не видно, когда из-за поворота выезжает трамвай. Это рискованно даже для тех, кто внимателен. Каждый год здесь погибают люди. По счастливой случайности тогда там оказалась женщина, которая очень удивилась, видя, как я с блаженной улыбкой прогуливался прямо перед трамваем.

Таким образом, хорошие очки могут оказаться для своего владельца очень опасными. Во всяком случае, такие опасные очки ношу я, но не думаю, что это именно из-за чтения.

Будучи ребенком, я любил читать вечерами в постели: мне казалось, что там со мной не может ничего случиться, хотя, как известно, большинство людей умирают именно в постели. Но все же кровать сама по себе не так опасна. Полагаю, что люди предпочитают лечь, если им становится нехорошо, а потом уже умирают. Я упоминал, что я ипохондрик. Сейчас я уже дошел до того, что впадаю в панику даже тогда, когда у меня абсолютно все хорошо. Ведь самые скверные болезни зачастую остаются незамеченными. Ты просто вдруг скоростно умираешь. Такое происходит постоянно.

Существует более трехсот видов рака. У меня даже нет трехсот частей тела! Но безопаснее обнаружить рак, когда что-то болит. Кроме этого, есть еще и рак крови. Кровь ведь везде в организме. Или при некоторых видах рака вы ничего не замечаете, а потом при обычном обследовании оказывается, что вам осталось жить всего две недели. И когда я вспоминаю все то, что является канцерогенным и что из этого уже попадало в мой организм, то осознаю, что предполагаемая продолжительность моей жизни сокращается на глазах. Сюда входят грибы, содержащие тяжелые металлы, и жареное мясо, которые я ел, и то, что через два дня после катастрофы в Чернобыле я попал под дождь. И это я привел только пару примеров. А еще был большой будильник у моей детской кроватки, на котором были светящиеся цифры из фосфора, а может быть, радона или урана. Я натирал о них палец для того, чтобы он светился, а потом облизывал его. Да и на сцене мы работаем с самыми опасными ядами, хотя, впрочем, выглядит это до-

вольно неплохо. Особенно вредны большие световые пушки, которые излучают протоны или еще что-то в этом духе. Безопасное расстояние от них составляет сто метров, а на концерте я стою с ними совсем рядом. Поэтому причин заболеть раком предостаточно.

Я не боюсь инфекционных заболеваний, потому что, в конце концов, за них несет ответственность моя иммунная система. Эта штука работает постоянно, поэтому не вызывает у меня беспокойства. Время от времени туда должны поступать определенные витамины, чтобы я не заразился СПИДом. Конечно, раньше этого я тоже ужасно боялся. Если я не мог в подробностях вспомнить детали своих сексуальных отношений, меня это очень долго потом беспокоило.

Ведь я не пускался в сексуальные приключения трезвым.

Наряду с этим я знаком со страхом серьезных потерь. Поэтому хочу, чтобы все оставалось так, как есть, и никогда не менялось. Но мир не стоит на месте, и у меня непрерывно возникают проблемы. Так что я внимательно наблюдаю за тем, что происходит, по крайней мере, в моей личной жизни. Это и сейчас неплохо срабатывает. Тем более что я еще сравнительно молод. Пожилых людей уже никто по-настоящему не слушает. Кажется, что все думают так: «Пусть говорят, в конце концов, им скоро умирать». И это при том, что люди в возрасте становятся не глупыми, а просто иногда несколько более сложными в общении или ворчливыми. У многих из них есть огромные знания и ценные воспоминания о детстве или о войне, что, к сожалению, никого не интересует. Я всегда радуюсь, когда встречаю старых людей на улице, особенно если это пара, которая так мило держится за руки. Иногда это трогает меня до слез. Подобное бывает со мной, когда я вижу, как бабушка покупает для своего внука шоколад и не подозревает о том, что тому интереснее потратить деньги на наркотики. Или если бабушка в поезде ведет себя взволнованно, я тоже начинаю нервничать.

Не уверен, что лично я с возрастом приобретаю все больше знаний. Я слышал об одном молодом певце, который в семнадцать лет написал автобиографию, причем в ней уже было что-то о сексе. Статья про эту книгу была в газете Bild, которая лежала на столе у одного индийца. В индийском ресторане, где мне очень нравится есть. При этом я даже не имею понятия, действительно ли индийцы там готовят. Плохо, что я так мало знаю об окружающих меня людях. Однажды я купил там еду, которую хотел принести в репетиционный зал. Пока я шел вдоль Пренцлауэр-аллее, шнурки одного моего ботинка спутались со шнурка-